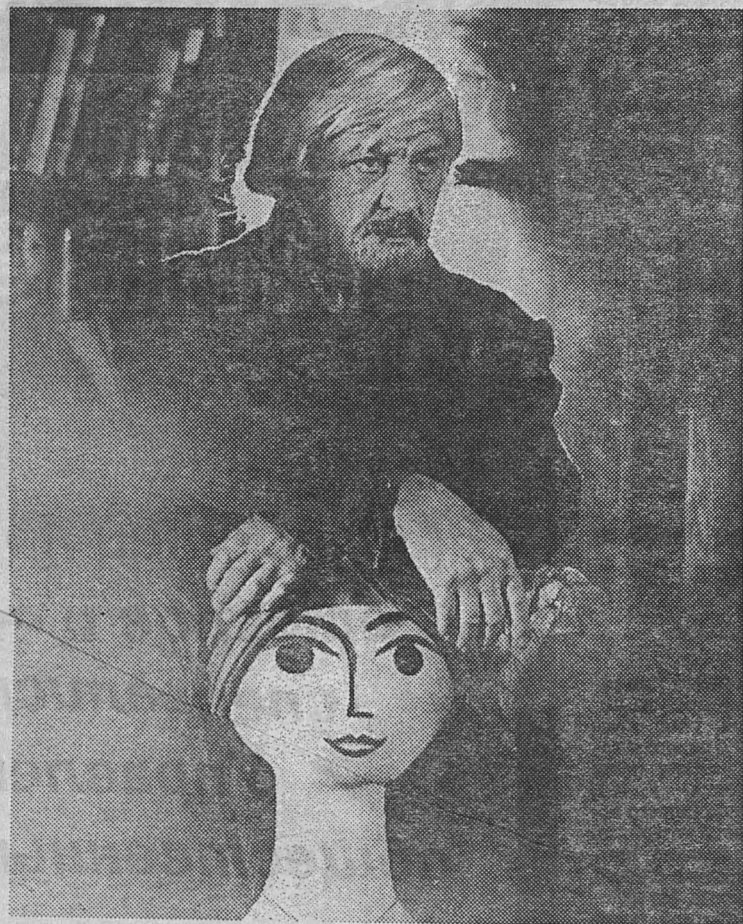

ПОСЛЕ УХОДА АЛИСЫ ФРЕЙНДЛИХ НАС ПРИГОВОРИЛИ

Игорь Владимиров.

В Петербурге не стало Театра имени Ленсовета. Он был известен больше как театр Алисы Фрейндлих и Игоря Владимирова. Редкий случай, когда знаменитая актриса по праву имела "собственный" театр. Когда Фрейндлих перешла в БДТ к Товстоногову, критики в один голос поставили на "Ленсовете" крест. Да что там критики, когда сам главный режиссер Игорь Владимиров считал, что все кончено. Ведь для него Фрейндлих была не только самой лучшей актрисой, но и женой...

- Театр в одночасье был приговорен к смерти. Вместе с уходом Фрейндлих из репертуара сразу исчезли десятки шлягеров, кормивших театр. Все думали, что театр кончился. И я понимаю это. Я видел однажды спектакль в театре Вивьен Ли и Лоуренса Оливье после того, как он ушел. Это было унылое зрелище. Оставалось одно - распушить труп. Но ведь мне никто не давал такого права.

Я знал, что все актрисы, как одна, уже учат наизусть роли Фрейндлих. Им и в голову не могло прийти, что они вряд ли смогут сыграть так, как она. И я сказал им: сожгите все. Вы хотите, чтобы вас закидали капустой? Возьмем другое. Это означало полную революцию.

Мы выкарабкались. Правда, критики почему-то не замечают этого. Видимо, наболтали слишком много о смерти, чтобы теперь удивляться: а театр-то жив! И не просто жив, а нахально заявляет о себе, успешно гастролирует.

Лишь на юбилейных банкетах, когда кругом водка и шампанское, критики говорят хорошо. Но только не о том, как театр выбрался из пропасти. Он не похож на театр при Фрейндлих. Он от этого многое, конечно, теряет. Но и многое приобретает. Он совершенно другой.

- Уход "звезд" из театра, в котором они стали "звездами", всегда неизбежен?

- Искусство очень честолюбиво. Все великие, например, не любили, когда их ругают. Театральный мир страшно нервный. Ударение неправильно поставил, и все - буря. Здесь у людей ненормальная психика не в смысле того, что они - сумасшедшие. Все зависит от того, какая почва у актера под ногами. Если он понимает, что он - актер этого театра, что его хвалят, поддерживают, то идут два процесса. Он мужает как актер, становится лучше, а параллельно сволочнеет. Под комплименты требует дивиденд. Вот спектакль о декабристах, из-за которого я едва не вылетел. Там Алексей Петренко, самый мой любимый актер, большая моя потеря, играл денщика. Крошечный эпизод, но, когда он заболел, я отменил премьеру. Алексей ходил такой счастливый: маленькая роль, а из-за него отменили весь спектакль. Я знал об этом. Он еще какое-то время продержался, а потом ушел по сугубо личной причине.

Как и Фрейндлих. Она понимала, что не может оставаться одной, если тот, которого она полюбила, будет в театре. Сразу за ней ушел и он.

- А дальше с уходящими "звездами" нередко ведь происходят странные вещи: кто-то начинает ихорадожно менять театры, кто-

то вовсе уходит в кино, кто-то годами ждет ролей. Редко кому везет. Почему?

- Человек приходит в другой театр и нарывается не на то, что там актеры похуже. Они воспитаны другим человеком, другим режиссером. И не понимают пришедшего со стороны. Вот Дорони вырвалась на свободу, и что? Пока была в своем театре, пока Товстоногов - очень умный человек - держал ее "в руках", спектакли шли на "ура". А потом началось. Один театр, второй, третий...

Когда уходила Фрейндлих, я говорил: скажи хоть, на какую роль ты идешь? Никто так и не понял, зачем ее взял Товстоногов. Обещали "на дне", но год простоя, два... Товстоногова пытаются: зачем вы взяли Фрейндлих, если она не играет? Тогда он снимает с роли выпускницу театрального института в спектакле по пьесе Володина "Блондинка за углом" и назначает Фрейндлих. Володин меняет возраст героини... Театр сделал большую ошибку. И в результате совершил палаческий акт. Когда в конце спектакля все расходят-

ся, а потом выходит одна Фрейндлих, то к ней должны еще раз выйти все артисты. Не вышел никто...

- А вам не предлагали переехать в Москву?

- Дважды, причем в академические театры. Но я оба раза отказался. Режиссеры, ведущие актеры часто уезжают в Москву по чисто шкурным делам. Товстоногов правильно считал, что не надо переезжать в Москву. Он был, как Суворов, в изгнании. Всеми признан, всем Советским Союзом, но никто не понимал, почему председателем театрального общества был Царев.

- Вы как-то сказали, что любите актеров, а они ненавидят вас. Это правда?

- Да, правильно. Все происходит в нескольких измерениях. Вот мы собираемся, обсуждаем пьесу "Перед заходом солнца". Все мужчины думают, что будут играть Матиаса Клаузена, а все женщины - Инкин. И вдруг выясняется, что на роль Инкин актрису пригласили, а Клаузена будет играть сам Владимиров. Они

уже забыли, что три худсоветы подряд говорили: Игорь Петрович, когда же вы сыграете в "Перед заходом солнца"? Начинается другая жизнь: ну, конечно же, он сам распределяет роли.

Мы как-то были на конном заводе. И там я узнал, что значит выражение "положение хуже губернаторского". Все почему-то думают, что это под влиянием Гоголя. Ничего подобного. Когда кобылу заводят в стойло, а к ней приставляют жеребца, есть специальный человек - "губернатор", - который и должен вставить "штуку" туда, куда полагается. А конь не дается, бьет копытами. Может быть, грубое сравнение, но вот это положение - "хуже губернаторского" - как раз у режиссера. Оно, правда, продлевает жизнь. За счет этого я и держусь столько лет. Надо быть только в форме, иначе "забьют копытами", проглотят.

- А от старого названия своего театра вы отказались, чтобы больше ничто не напоминало о прошлом?

- У нас в театре по-прежнему культ Фрейндлих. Я не позволяю никому говорить о ней плохо. Вывешиваю газеты с рецензиями на ее работы. Это ее, по-моему, слегка обескураживает. Но, может быть, она еще у нас и сыграет. Пьесы есть.

- Говорят, Собчак был недоволен переименованием?

- Да, по-моему он до-

было сделать. С Романовым невозможно было дружить. Ему можно только подчиняться. Единственное, что нас "объединяет", но не слишком крепко, - это кораблестроительный институт. Я закончил в 1942 году, он - немного позже.

Вот Театр Комиссаржевской приблизительно одного с нами положения. Но мы получаем звание академического. Люди это объясняют по-разному. В том числе, что Романов - старый друг Владимирова. По бабам вместе ходили...

Главное - пустить этот слух. А Романов, кстати, даже ни разу не был в нашем театре.

- Вы стремились быть в оппозиции к власти?

- За картину "Твой современник" я имел столько неприятностей, сколько Любимов за десять лет работы. Картина так и осталась, к сожалению, непризнанной. И подобных фильмов у меня немало. Но я не диссидент.

- Вы собираетесь поставить все-таки "Короля Лира"? Ведь это ваша давняя мечта...

- Есть две роли, которые я не решаюсь сыграть вот уже лет двадцать. Это король Лир и Матиас Клаузен. Я благодарен вам, что не задали вопроса, почему я ничего не играю в театре. А потому, что не могу играть, увидев в той или иной роли другого - гениального - артиста. Я до сих пор не могу забыть короля Лира

нас в театре по-прежнему культ Фрейндлих. Я не позволяю никому говорить о ней плохо.

вольно болезненно пережил то, что театр Ленсовета перестал носить это имя. Хотя вроде бы должен быть доволен: Ленсовета-то тоже нет. Но это не выражалось в каких-то его действиях. Хотя, видимо, грустит. Он человек, естественно, не без пристрастий. Отношусь ли я вместе с театром к предмету его пристрастий, не знаю. "Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь..."

- А правда ли, что вы дружили с Романовым, всесильным ленинградским "первым"?

- Это все легенды, создаваемые моими недругами. Мы с Романовым познакомились, когда пришлось при разводе с Фрейндлих разменять квартиру. В те годы без его согласия это невозможно

Симонова, его глаза, полные слез. Симонов - это Шалыпин драматического театра. Он существовал помимо всяких систем. Его глаза были невероятными. Не знаю, как он так себя доводил, что с ним происходило.

Одно время я уже был готов к этой роли. Но приехал Пол Скофилд, блистательно сыграл в другом ключе. И я понял, что ничего про короля Лира не знаю. Теперь я уже вижу, знаю этот спектакль. Думаю, он будет не похож ни на какой другой.

В ближайшие два года я должен уложить две роли: короля Лира и Матиаса Клаузена. А там подойдет восемьдесят, и надо проститься...

Беседовал Николай ЕФИМОВИЧ.